
**ЖАППАЙ САЯСИ ҚУҒЫН-СҰҒЫН
БОЙЫНША ФУНДАМЕНТТІК ЗЕРТТЕУ ӘДІСТЕМЕСІ
МЕТОДОЛОГИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
METHODOLOGY OF FUNDAMENTAL RESEARCH ON MASS POLITICAL REPRESSION**

МРНТИ 03.20.00

**РОЛЬ И МЕСТО УГОЛОВНОГО ПРАВА В РЕПРЕССИВНОЙ
МАШИНЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КАЗАХСТАНЕ**

Куаныш Жетписович Балтабаев¹, Сабыр Ахметжанович Касымов²

¹доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, baltabayev_kzh@enu.kz

²Руководитель Проектного офиса Госкомиссии, Президент Республиканского общественного фонда «Қаһармандар», кандидат юридических наук, project.office456@gmail.com

Аннотация. Уголовная юстиция, в том числе и уголовное право Советского государства, играли ключевую роль в его репрессивной машине, выступая одним из основных инструментов контроля и подавления, не только карательного, но и профилактического характера, с целью сохранения существующего политического строя и борьбы с инакомыслием. Эта роль особенно ярко проявилась в Казахстане, где в 1920–1950-х годах проводились масштабные репрессии против интеллигенции, духовенства и множества этнических групп. Цель данной статьи – выяснить, каким образом уголовное право использовалось как юридическая база для репрессий и какие особенности этот процесс имел в Казахстане.

Ключевые слова: уголовное право, Казахстан, СССР, репрессии, карательные меры, террор, расстрел, «Малый Октябрь».

ХҒТАР 03.20.00

**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕҢЕС МЕМЛЕКЕТІНІҢ РЕПРЕССИЯЛЫҚ
МАШИНАСЫНДАҒЫ ҚЫЛЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ РӨЛІ МЕН ОРНЫ**

Қуаныш Жетпісұлы Балтабаев¹, Сабыр Ахметжанұлы Қасымов²

¹Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің Қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры, baltabayev_kzh@enu.kz

²Мемлекеттік комиссияның Жобалық кеңсесінің басшысы, "Қаһармандар" республикалық қоғамдық қорының президенті, заң ғылымдарының кандидаты, project.office456@gmail.com

Аңдатпа. Кеңес мемлекетінің қылмыстық әділет, оның ішінде қылмыстық құқығы, оның репрессиялық машинасында шешуші рөл атқарды. Олар қолданыстағы саяси жүйені сақтау және келіспеушілікпен күресу мақсатында жазалаушы ғана емес, сонымен бірге профилактикалық сипаттағы бақылау мен басудың негізгі құралдарының бірі болды. Бұл әсіресе 1920-1950 жылдары зиялы қауымға, діни қызметкерлерге және көптеген этникалық топтарға қарсы жаппай қуғын-сүргін жүргізілген Қазақстанда айқын көрінді. Мақаланың мақсаты-қылмыстық құқықтың қуғын-сүргін үшін құқықтық база ретінде қалай пайдаланылғанын және бұл процестің Қазақстанда қандай ерекшеліктері болғанын анықтау.

Кілтті сөздер: қылмыстық құқық, Қазақстан, КСРО, қуғын-сүргін, жазалау шаралары, террор, ату, «Кіші Қазан»

IRSTI 03.20.00

THE ROLE AND PLACE OF CRIMINAL LAW IN THE REPRESSIVE MACHINE OF THE SOVIET STATE IN KAZAKHSTAN

K.J. Baltabaev¹, S.A. Kassymov²

¹Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, baltabayev_kzh@enu.kz

²Head of the State Commission Project Office, President of the Republican Public Foundation "Kaharmandar", PhD in Law, project.office456@gmail.com

Abstract. Criminal justice, including the criminal law of the Soviet state, played a key role in its repressive machine, acting as one of the main instruments of control and suppression, not only punitive, but also preventive, in order to preserve the existing political system and combat dissent. This role was particularly evident in Kazakhstan, where large-scale repressions were carried out against the intelligentsia, clergy and many ethnic groups in the 1920s and 1950s. The purpose of this article is to find out how criminal law was used as a legal basis for repression and what features this process had in Kazakhstan.

Keywords: criminal law, Kazakhstan, USSR, repression, punitive measures, terror, execution, "Small October".

Для правильного уяснения роли и места уголовно-правовых институтов в политических репрессиях необходимо вкратце остановиться на тех теоретико-политических позициях марксизма-ленинизма, которые и определили место этой отрасли права в реализации планов коммунистов.

В письме И. Вейдемейеру К. Маркс писал, что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а

буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего:

1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов (1).

В этом признании К. Маркса для нас являются интересными позиции, в которых он пишет о классовой борьбе и необходимости диктатуры пролетариата. Конечно же, уголовное право, являясь самым острым средством необходимого правопорядка, было призвано на основании классовой борьбы, проводить политику диктатуры пролетариата.

Мы должны четко констатировать, что Маркс теоретически обосновал что, классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, т.е. к государственному насилию, политическим репрессиям. По Марксу получается, что диктатура пролетариата должна уничтожить классы – это его право и обязанность. Это подтверждает, что Маркс является основоположником особой и исключительной роли пролетариата, и что он вывел неписанный общественный закон развития социализма, что диктатура пролетариата должна уничтожить классы, и это его историческая миссия.

Этой марксовой доктриной воспользовалась властвующая группа российских большевиков (в начале В. Ленин и Л. Троцкий, позже – И. Сталин), которые формально постоянно ссылаясь на Маркса от имени пролетариата захватили всю политическую и государственную власть в Советской России. И управляли государством, не считаясь с интересами трудового народа, в частности игнорируя интересы и права многомиллионного казахского народа, выраженные на II Всеказахском съезде (курултае) в декабре 1917 г. И на протяжении 70 лет руководство большевистско-коммунистической партии от имени, якобы трудящихся, позже – всего советского народа бесконтрольно осуществляла всю полноту власти, вплоть до самораспада и роспуска в 1991 году.

Также следует отметить, что на основании учения о диктатуре пролетариата руководство коммунистической партии стремясь к победе коммунизма не выбирала средства достижения этой цели. Как говорится, для них, цель оправдывала средства. Ленин, писал Н. Бердяев, объявляет нравственным все, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не знает. Отсюда вытекает, что цель оправдывает средства, всякие средства. Нравственный момент в человеческой жизни теряет всякое самостоятельное значение (2).

Архивные данные, собранные Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий (далее-Госкомиссии), созданной Указом Президента Республики Казахстан К.К. Токаевым от 24 ноября 2020 г., являются ярким свидетельством проведения в жизнь этих взглядов Советского государства против жителей Казахстана.

Характеризуя признаки русского коммунизма, Н. Бердяев пишет, фанатизм, нетерпимость, жестокость и насильничество коммуниста ярко выраженного типа определяется тем, что он чувствует себя поставленным перед царством сатаны и не может переносить этого царства. Но при этом он находится в отрицательной зависимости от царства сатаны, от зла, от капитализма и буржуазии. Он не может жить без врага, без отрицательных чувств к этому врагу, он теряет пафос, когда врага нет. И если врага нет, то врага нужно выдумать. Процессы «вредителей», продолжает Н. Бердяев, связаны с этой потребностью создать классового врага. Если бы классовый враг исчез окончательно и коммунизм, легко было бы осуществить, то коммунистический пафос тоже исчез бы (3).

Как известно, террор предполагался вождями мирового пролетариата задолго до Октябрьской революции. Он провозглашался в «Манифесте Коммунистической партии», и предлагал добиваться своих целей путем «насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя». «Мне думается, - писал Ф. Энгельс И. Вайдемайеру, - что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий, вынуждена будет встать у власти... Мы вынуждены будем проводить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы... наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать чудовищами... Трудно представить себе другую перспективу..." (4).

Из содержания этого письма следует, что К. Маркс и Ф. Энгельс сами не предполагали реализовывать в жизнь идеи научного коммунизма и даже боялись этого. Эти идеи были воплощены в жизнь русскими марксистами во главе с Лениным.

Следует иметь в виду, что помимо квазиправовой основы, каковой являлось и уголовное право, советское государство широко применяло внесудебную расправу со своими классовыми врагами (*Примеры из Архива Комиссии*).

Собранные учеными и экспертами Государственной и региональными комиссиями материалов из ранее недоступных для исследователей архивов, изучение вновь рассекреченных документов и региональных, особенно районных архивов подтверждает, что большинство жертв и пострадавших – это результат широкомасштабного, системного и повсеместного использования неправовых, и внесудебных политических репрессий.

По исследованиям ученого по проблеме политических репрессий внесудебными органами А. Гинзбурга только по одной политической кампании количество осужденных внесудебными органами СССР составило более 80 процентов. (5 Гинзбург А.Я. Реабилитация. Политические репрессии 30-50-х годов. Издательство Политическая литература – Москва, 1991., 459 с.) А в Казахстане, количество осужденных обычными судами составляло лишь 25 процентов, а 75 процентов приговорены к расстрелу или к длительным срокам лишения свободы внесудебными органами (6). В процессе проведения различных карательных операций силовые структуры, особенно органы ОГПУ,

без суда и следствия расстреливали граждан, которых подозревали в антисоветской, контрреволюционной, повстанческой или иной деятельности. Например, только один представитель органов ОГПУ в Шетском районе Карагандинской области Н. Сычев лично расстрелял 37 человек, которых по своему усмотрению, без доказательств, без предъявления обвинения, подозревал в участии в «антисоветских» и «контрреволюционных» действиях.

Руководствуясь революционно-пролетарским сознанием и политической целесообразностью, большевистско-коммунистический режим, с целью удержания власти, подавления и преследования не только своих классовых противников, но и всех, кто их поддерживал, а также всех несогласных с ее политикой в отношении которых применялись масштабные методы внесудебных расправ.

В зависимости от политической ситуации в стране руководство ВКП(б), соответственно руководство Казкрайкома исходя из намеченных политических планов, в том числе реализации программы «Малого Октября в Казахстане», в русле поставленных задач создавались различные по форме и целям внесудебные карательно-репрессивные органы. Они создавались с первых лет советской власти для расправы с контрреволюционерами, противниками политики большевистского руководства, подавления участников народных восстаний и протестов. Они также учреждались в ходе насильственной реализации отдельных кампаний программы «Малый Октябрь в Казахстане».

В Казахской республике эти внесудебные органы создавались при Казкрайкоме, обкомах партии и облисполкомах, райкомах и райисполкомах, а также в системах органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, Прокуратуры, при руководстве фронтов дислоцированных на территории Казахстана.

Их называли «двойками», «тройками», «особые совещаниями», «коллегиями», «военными трибуналами» и т.д. Но их суть, задача была одна – быстрая, массовая и жесткая расправа над большим количеством людей: «врагами народа», «контрреволюционерами», «социально опасными элементами» и т.д. Спускали даже разнарядки к расстрелам, осужденным к другим видам репрессий.

Решениями внесудебных органов подвергались различным видам репрессий также различных кампаний «Малого Октября в Казахстане». При этом, один и тот же человек, одна и та же семья преследовалась неоднократно. Например, решением «тройки», «пятерки» все члены семьи становились жертвами неправовых, внесудебных реквизиций (конфискации) собственности и скота, выселению с мест проживания. Члены этой же семьи подвергались репрессиям за оказание сопротивления насильственной коллективизации и седентаризации за пособничество алашординцам, за участие в народных восстаниях и протестах, за вынужденное бегство за границу и т.д.

Политические репрессии исходят из природы большевистско-сталинской власти, имманентно присущей ее сути, происхождению и функционированию.

Политические репрессии, осуществлявшиеся в Казахской республике системно, целенаправленно и непрерывно на протяжении 4–5 лет в рамках

реализации антинародной программы «Малый Октябрь в Казахстане», приведшей к трагедии «Ашаршылык» и миллионам человеческих жертв, в соответствии с международно-правовыми нормами и стандартами, а также гуманитарными ценностями подлежат квалификации как преступления против человечности.

История большевистско-сталинского периода неразрывно связана с понятием «врага народа». В государственной политике большевиков он использовался с первых дней существования советской власти. Ученые и эксперты Госкомиссии считают, что без изучения разработки и использования образа «врага народа» руководством большевистской партии невозможно понять масштабы, механизм, динамику и причины репрессии большевистско-коммунистического режима.

С врагами не договариваются – они подлежат уничтожению, - таков был принцип большевистско-сталинской власти, который для советской общественной науки стал обязательным лозунгом и политическим заказом: врагов народа не изучают - их проклинаят, обвиняют и стирают из исторической памяти.

Непосредственными теоретическими основами государственного террора и массовых политических репрессий насильственной реализации доктрины (программы) «Малый Октябрь в Казахстане» являются:

- авантюрно-насильственная реализация учения о «русском коммунизме», обоснованный В. Лениным, исполненный российскими марксистами;

- надуманный (искусственно сконструированный) постулат обострения классовой борьбы по мере движения к социализму, выдвинутый и теоретически обоснованный И. Сталиным, реализованный российскими, и казахскими коммунистами под непосредственным руководством Ф. Голощекина.

- экспериментально-революционная реализация Ф. Голощекиным и его командой марксистско-ленинской ортодоксальной доктрины о переходе отсталого, находящегося на патриархально-феодальном развитии народа (в частности, казахского), с «братской помощью» более развитого народа (в частности, российского) сразу к социализму, минуя капиталистическую фазу своего развития.

С первых дней после захвата власти, большевики для сохранения, упрочение нелегитимного большевистско-коммунистического режима, то есть с 1917 года, стали создавать военно-революционные комитеты (ВРК), т.е. органы внесудебной расправы с потенциальными противниками. Комитеты были децентрализованы и совершали государственное насилие, превентивные аресты, захват заложников и казни по собственной инициативе или по согласованию с руководством соответствующих партийных комитетов РКП(б), а в Казахстане – соответственно районными, областными партийными комитетами Казкрайкома ВКП(б).

7 декабря 1917 г. Совнарком РСФСР на заседании под председательством В. Ленина постановил создать Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее-ВЧК). ВЧК стала первой

исторической формой специальных органов по обеспечению безопасности и сохранения власти большевистско-ленинским режимом. Как объясняли большевики, что создание комиссии было вынужденной мерой по отражению натиска многочисленных контрреволюционных сил. Чрезвычайными полномочиями, которыми была наделена, ВЧК пользовалась в полной мере.

В. Ленин, выступая на митинге сотрудников ВЧК, следующим образом определил роль ее органов: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, – нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом» (7:7).

Кульм жестокости и страха господствовал в созданном большевиками государстве. Но эти аресты, расстрелы без суда и следствия, осуждения невинных людей, заключение их в концентрационные лагеря, взятие заложников из числа семей, которым угрожали репрессиями, безусловно, являются исполнением тех задач и установок, поставленных перед карательными органами руководителями большевистско-коммунистического режима.

Позицию власти ясно выразил один из организаторов большевистско-сталинской практики репрессий М. Лациса, который писал: «не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить - к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого» (8).

6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР, на основе решений IX-й Всероссийской съезда Советов, принял постановление об упразднении Всероссийской Чрезвычайной комиссии и образования на ее базе Государственного политического управления (ГПУ РСФСР).

6 мая 1922 года Председатель ГПУ Ф. Дзержинский на совещании полномочных представителей ГПУ, на котором обсуждались вопросы организации и полномочий региональных органов ГПУ, перед которыми ставились карательно-репрессивные задачи. Из выступления Ф. Дзержинского следует, что открытые восстания должны подавляться беспощадно, бандитские шайки, подпольные организации готовящие восстания и теракты просто подлежат уничтожению.

Не признавая большевистско-сталинскую власть, в декабре 1917 г. лидер казахского национально-освободительного движения-партии «Алаш» А. Бокейханов писал, что Ульянов-Ленин, Председатель Народных комиссаров, распоряжается единолично, как царь Николай, не желает ни перед кем отчитываться.

Специально обращается к рабочим, крестьянам, солдатам, чтобы они запомнили, что большевики игнорируют:

1. Ответственность перед народом советских правителей;

2. Свободу слова, свободу печати, свободу собрания;
3. Всеобщее, прямое и тайное голосование;
4. Не признают контроль народа.

Все это большевистско-коммунистическая власть считала «буржуазным предрассудком» (9).

А. Букейханов констатирует следующий вывод: «С лица большевика спала красная маска революционера, обнажившая его сущность черносотенца».

По данным ученых и исследователей в мае 1918 г. красноармейский отряд под командованием Митрофана Мураева, якобы за выступление на стороне казачьих формирований против советской власти лидеров местного уйгурского населения, с целью запугать народ устроили кровавый террор, жестоко расстреливали мирное население ряда населенных пунктов Семиречья.

По сведениям различных исследователей, без всякого выяснения обстоятельств, определение вины и участия в акциях против большевистской власти под предлогом обсуждения местных проблем аулов и сел, руководствуясь революционным сознанием, члены отряда по команде этого М. Мураева публично их казнили, расстреливали из пулеметов. По подсчетам краеведов и исследователей всего расстреляно без суда следствия более 10 тысяч местных жителей от семи до семидесяти лет.

В начале 1920-х гг. с целью принятия экстренных решений для подавления народных протестов на местах создавались ревкомы (революционные комитеты), революционные тройки, чрезвычайные комиссии, которые были по уничтожению уполномочены принимать самостоятельно решения участников народных восстаний и протестов без суда и следствия. Например, приказ №28 от 13 июля 1921 г. полномочной комиссии Акмолинского губернского ревкома объявлял «вне закона» лиц, выступающих против советской власти, то есть разрешал применять к ним любые формы репрессий вплоть до ликвидации.

По данным Северо-Казахстанской областной региональной комиссии по результатам подавления Петропавловского восстания осуждены 971 человек, из которых к высшей мере наказания «тройками» и «пятерками» приговорены 330 участников, к различным срокам наказания более 200 лиц.

Так, о бесчинствах таких «Троек» свидетельствует докладная от 11 сентября 1931 года полномочного представителя (ПП) ОГПУ в Казахстане Данилевского на имя Секретаря Казкрайкома Голощекина: «В связи с последовавшим распоряжением Правительства о передаче ряда аулов Четского района в административное подчинение Чуйского района, в Четском районе была создана Особая тройка по сдаче указанных аулов, под председательством Бектасова. Этой «Тройкой» производилась инквизиция: расстрелы, пытки, избиения граждан. В подтверждение изложенного приведем следующие факты:

1. Работниками «Тройки» расстреляны гр-не С. Айдасов, С. Тайжиков, Д. Айтымбаев и еще 4 человека, коих фамилии не установлены. Расстрелы производились днем, лично «Тройками».

2. Арестованный Берянкулов был избит, спущен в колодезь, где по колено в воде находился 3-е суток.

3. Арестованный Дженалиев был положен на костер для сожжения, вследствие такой пытки сошел с ума.

4. По приказанию членов «Тройки» аулсоветами доставлялись в их распоряжение женщины, последние ими изнасилованы.

5. Члены Комиссии систематически брали взятки.

6. Сознательно искривлялась линия в проведении текущих хозполиткомпаний, бедняки и середняки механически зачислялись баями и зажиточными, затем раскулачивались и их же выселяли.

Указанное выше преступное деяние членов Комиссии, а равно и лиц причастных к ее деятельности произведенным местным ОГПУ следствием подтвердилось. Полпредством ОГПУ предложено местным органам ОГПУ произвести арест установленных пока что 19 человек.

Сообщая об изложенном просим принять соответствующие меры по партлинии» (10).

Грищенко И.А. пишет, что «...репрессии в большинстве своем осуществлялись со ссылками на действующие законы, что создавало правдоподобность совершаемых преступлений, и в этом находила отражение чрезвычайная противоречивость складывающихся в СССР общественных отношений в сфере уголовно-политического судопроизводства» (11).

С таким мнением можно согласиться, если учесть то, что репрессивная политика советского государства имела свои особенности в Центральной России и национальной окраине. На территории КазССР уголовные дела часто имели ярко выраженный этнополитический характер. Так, дела против участников движения «Алаш» квалифицировались по ст.58-2 («Вооружённое восстание»), а в известном деле «Цепь Корана» десятки имамов и мулл были осуждены за «антисоветскую пропаганду» (12). Уголовное право также обеспечивало юридическую основу для депортаций немцев, поляков, чеченцев, ингушей, корейцев и других народов.

В советский период в Казахстане по уголовному праву были приняты и действовали следующие основные нормативные акты:

1. Декреты «О суде № 1», «О суде № 2»;
2. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утвержденные 12 декабря 1919 года Коллегией Народного Комиссариата юстиции РСФСР;
3. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года;
4. Основные начала уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик 1924 г.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.
6. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г.;
7. Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 г.;
8. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 года.

Уже в суверенном Казахстане были приняты Уголовные кодексы 1997 и 2014 года. Следует отметить, что Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (далее – УК РСФСР 1926 г.) действовал на территории КазССР до 1960 года, до вступления в силу Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 г. (далее – УК КазССР 1959 г.). И это было при том, что Казахская АССР 5 декабря 1936 года была выведена из состава Российской РСФСР, и ей был придан статус союзной республики под названием Казахская ССР.

Характеризуя содержание первых декретов о суде, следует отметить то, что они касались уголовно-процессуальных вопросов судебной системы. Совет Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (СНК РСФСР) 22 ноября (5 декабря) 1917 г. принял декрет «О суде» — первый среди декретов, реформировавших и регламентировавших деятельность судебных органов. Вместо ранее существовавшей судебной системы были созданы местные коллегиальные суды, состоящие из постоянного судьи и двух народных заседателей. В феврале и в июле 1918 г. Всероссийским Центральным Исполнительным комитетом РСФСР были приняты новые Декреты о суде (№ 2 и № 3), которые значительно расширили подсудность и компетенцию местных судов, а также определили компетенцию окружных и народных судов, установили порядок подачи и рассмотрения кассационных жалоб на решения судов, и порядок судопроизводства.

С точки зрения уголовного права интересным являлось содержание нормы в декрете «О суде №1» где отмечалось, местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Это означало, что возможно было применение и прежних законов, если они «не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» (13). Уже здесь мы видим отсутствие четких критериев в правоприменении, что такое революционная совесть и революционное правосознание мы уже отметили в начале нашего исследования.

Следующим важным нормативным актом Советского государства в сфере уголовного права были, изданные 12 декабря 1919 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» – (далее – Руководящие начала). Они стали прообразом принятого позже Общей части УК РСФСР 1922 года. Этот нормативный акт стал итогом правотворческой деятельности Советского государства после Октябрьской революции и во многом определил общую уголовную политику молодого государства по реализации диктатуры пролетариата в классовом обществе. Критикуя такой аспект этого документа, авторитетные советские ученые в работе «История советского уголовного права», изданного ещё в 1948 году пишут, «авторы «Руководящих начал» сосредоточили свое внимание лишь на задаче подавления сопротивления врагов социализма («обуздание своих классовых врагов», слом «сопротивления повергнутых буржуазных и промежуточных классов»). Тем самым изложение задач советского уголовного права оказалось односторонним,

неполным. Ленинская формулировка двуединой задачи наказания оказалась обойденной авторами «Руководящих начал», и вопрос о принудительном воспитании к дисциплине, вопрос о борьбе со стихией мелкобуржуазной анархичности полностью выпал из «Руководящих начал». В результате извращались задачи советского уголовного права, которые по «Руководящим началам» сводились лишь к подавлению классового врага. Более того, в этой, несомненно, крайне неудачной части «Руководящих начал» имеется политически неверная формулировка о сломе не только повергнутых буржуазных, но и промежуточных классов, противоречащая взглядам марксизма-ленинизма об отношении к крестьянству» (14).

Как видно из текста, критика рассматриваемого нормативного акта проводится лояльно к самому государству и адресуется авторам документа и, апеллируя к Ленину, советские ученые хотят придать советской доктрине уголовного права гуманное содержание, хотя, как нам известно, именно Ленин сам явился автором диктатуры пролетариата. Конечно, не будем столь строги к позиции авторов истории уголовного права, имея в виду период написания этого научного труда, и отдадим должное их смелости.

В статьях 5 и 6 «Руководящих начал» дается определение преступления. Преступление определяется, как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным законом» (15). Статья шестая уточняет, что «Преступление, есть действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)» (16).

С точки зрения современной науки уголовного права, в этом определении отражены материальный и формальные признаки преступления, т.е. реальное деяние посягает на общественные отношения, которые охраняются уголовным законом. В ст.6 наряду с дублированием указанных ранее в ст.5 признаков преступления, указывается, что преступление – это действие и бездействие, а также упоминается субъект преступления в виде лица совершившего действие или бездействие. Здесь мы видим, смешение понятий уголовного права с точки зрения современных позиций в уголовном праве – в определении преступления (деяния) мы видим указание на внешние признаки преступлений, которые являются признаками объективной стороны и субъекта преступления (деятеля). Далее мы будем видеть, что в советском законодательстве того периода акцент при определении уголовной ответственности делался на деятеле, а не деянии. В современной доктрине уголовного права государство ориентировано на противодействие деянию, а не на деятеля. Именно этим объясняется отказ в уголовных кодексах постсоветских государств от понятия особо опасного рецидивиста. Акцент на деятеле в законодательстве того периода объясняется опять же стремлением государства всячески подавить классовых врагов, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Из элементов состава преступления в Руководящих началах отсутствовали признаки субъективной стороны и, в частности, вина.

Авторы истории советского уголовного права пишут, что, хотя «Руководящие начала» отбросив учение о вине и исключили нормы, определяющие умысел и неосторожность, эти понятия все же оказались занесенными в число обстоятельств, влияющих на определение судом наказания. Так, п.3 ст.12 имеет в виду выяснение фактов совершения преступления «с заранее обдуманном намерением», «по легкомыслию и небрежности». Декларируя об отказе от учения о вине, авторы «Руководящих начал» все же не смогли практически от него избавиться.

В современном уголовном праве основанием уголовной ответственности является совершение уголовного правонарушения, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления предусмотренного уголовным кодексом, одним из элементов которого является субъективная сторона деяния. Правильно, отмечают авторы истории советского уголовного права, о том, что отбросив нормы уголовного права, относящиеся к вине и субъективной стороне преступления, «Руководящие начала», основание наказания видят не столько в совершенном деянии, сколько в опасности личности преступника (17).

Как было уже отмечено нами ранее, все это обусловлено марксистско-ленинским учением о классовой борьбе и диктатурой пролетариата.

В «Руководящих началах», также рассмотрены такие понятия как приготовление и покушение на преступление, а также раскрыты виды соучастия, кроме организатора. Знакомо этому нормативному акту и понятие прикосновенности в виде укрывательства и недонесения.

Первый социалистический Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. закрепил и развил ранее известные Советскому государству институты и понятия уголовного права.

Согласно ст.6 УК РСФСР 1922 г. преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. В этом определении отсутствует формальный признак преступления который заключается в том, что оно должно быть предусмотрено в законе, материальный признак можно здесь усмотреть в словах «угрожающее основам советского строя и правопорядку». В дефиниции преступления отсутствуют такие признаки как виновность и наказуемость, они самостоятельно рассмотрены в других нормах этого правового акта. В ст.11 этого кодекса закреплено, Наказанию подлежат лишь те, которые:

а) действовали умышленно, т.-е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление; или

б) действовали неосторожно, т.-е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть.

Как видим, вина рассматривается не как признак субъективной стороны и один из элементов состава преступления, а увязывается с наказанием. Между тем, значение состава преступления как основания уголовной ответственности

трудно переоценить в современных системах уголовного права. Считается, что вина это внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию, которое реализуется затем в совершении действия и бездействия, характеризующих объективную сторону преступления. Только единство внешних и внутренних признаков состава преступления выразившихся в совершенном деянии дают основание уголовной ответственности. Конечно, эти недостатки уголовного права позволяли привлекать к уголовной ответственности не виновных советских граждан, было необходимо усмирять население любыми методами и способами с тем, чтобы достичь поставленных целей советского государства. Как было отмечено выше, советская власть не церемонилась в средствах и методах, руководствуясь своим учением о классовой борьбе и диктатуре пролетариата и прикрываясь, порой этими далеко несовершенными нормами уголовного права, переходили к несудебной расправе с народом.

В ст.10 УК РСФСР 1922 г. закреплялся принцип аналогии закона, который гласил, в случае отсутствия в Уголовном Кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса. Включение такой нормы объяснялось необходимостью восполнения пробелов в уголовном законодательстве и суды по своему усмотрению могли определять ответственность по схожим, имеющимся составам преступлений. Впоследствии аналогия закона была закреплена в ч. 3 ст. 3 Основных начал уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик 1924 г., а также в уголовных кодексах всех союзных республик, включая Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Однако из Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. аналогия закона была исключена. Впоследствии аналогия закона получила широкое распространение в советской судебной практике (18).

УК РСФСР 1922 в Общей части после I раздела «Пределы действия Уголовного кодекса определил раздел II «Общие начала применения наказания». Такая структура кодекса уже говорит о многом – желании советского государства, прежде всего, покарать и устрашить противников нового режима. Вопросы, определяющие признаки преступления рассматриваются в этом же втором разделе и не имеют как-бы определяющего значения. Конечно, это противоречит общепризнанной позиции о том, что именно преступление, при его совершении порождает наказание. Категории преступление и наказание, являются парными понятиями и, неразрывно последовательно излагаются во всех уголовных кодексах и это является логичным и не требует каких-то пояснений. УК РСФСР 1922 г. наряду с наказанием вводит понятие «меры социальной защиты», которые воспринимаются абстрактно, вне связи с преступлением и это позволяет органам уголовного преследования и суду применять к правонарушителям любые произвольные меры, которые не предусмотрены уголовным кодексом в качестве наказания. Позже, уже в

следующих нормативных актах – Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1924 г. и УК РСФСР 1926 г. понятие наказания было исключено.

В ст. 8 УК РСФСР 1922 г. закреплено, что наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью:

а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества;

б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия;

в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений. Здесь закрепляются цели наказания, которые в последующих советских кодексах также обозначались в несколько иной терминологии, более того эти цели имеют место быть и в действующем УК РК.

Основные позиции советского уголовного законодательства, закрепленные в УК РСФСР 1922 г. (далее – Основные начала), нашли отражение в «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 31 октября 1924 г., принятых во исполнение норм Конституция СССР 1924 г. определяющих, что к компетенции законодательных органов СССР в области уголовного права, относится определение основ общесоюзного уголовного законодательства.

Так, если в УК 1922 г. в качестве мер государственного воздействия к преступникам определялись наказание и меры социальной защиты, то в Основных началах, а затем и в УК РСФСР 1926 г. было исключено понятие «наказания».

В ст. 4 Основных начал указывалось, что «Меры социальной защиты применяются с целью:

а) предупреждения преступлений, б) лишения общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления,

в) исправительно-трудового воздействия на осужденных. Задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны, и не должны иметь целью причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства» (19).

Авторы истории советского уголовного права отмечают, «Основные начала» различают три вида мер социальной защиты:

а) меры судебно-исправительного характера,

б) меры медицинского характера и в) меры медико-педагогического характера.

Таким образом, по обычной терминологии уголовного права наказанием в собственном смысле слова являлись меры судебно-исправительного характера. Отказ «Основных начал» от понятия наказания не означал каких-либо принципиальных изменений в советском уголовном праве. В высказываниях Ленина и Сталина о наказании обычно употребляется термин «наказание», а не какой-либо иной термин. Изменение терминологии было связано со

стремлением законодателя подчеркнуть отказ советского уголовного права от возмездия, которое в буржуазном уголовном праве обычно связано с понятием наказания. Однако отказ от возмездия как цели наказания вовсе не требовал изменения терминологии. Что же касается термина «мера социальной защиты», то он оказывался вовсе не характерным для советского уголовного права, ибо широко известен и современному буржуазному уголовному законодательству. Разумеется, меры социальной защиты в системе советского уголовного права не равнозначны этим мерам в буржуазном уголовном праве, а принципиально от них отличаются. Но сама по себе смена одного понятия другим вовсе не вызывалась необходимостью и могла привести к известным заблуждениям и ошибкам, которые действительно одно время получили распространение в советской уголовно-правовой литературе. Следует отметить, что последующее уголовное законодательство Союза ССР вновь употребляет, начиная с 1934 г., термин «наказание» (20).

Наличие понятия «меры социальной защиты» вместо понятия «наказания» в уголовном законодательстве, непосредственно не связанное с понятием преступления позволило советской власти применить эти меры к совершенно не виновным, так называемым членам семей изменников Родины (ЧСИР), позднее получивших название жен изменников Родины (21).

Таким образом, уголовное право в СССР, включая его применение в Казахстане, являлось важнейшим юридическим инструментом советской репрессивной политики.

Оно обеспечивало формальную легитимацию массовых репрессий, депортаций и расправ над политическими оппонентами. Это превратило право из гаранта свободы и справедливости в эффективный механизм государственного насилия.

Идеологической основой программы репрессивных действий первоначально послужили тезисы В.И. Ленина «о красном терроре в ответ на «белый», а позже теория И. Сталина об усилении классовой борьбы по мере укрепления социалистического общества, которую необходимо было подкрепить фактом действительного «наличия врагов». 9 июля 1928 года генеральный секретарь партии коммунистов И.В. Сталин, выступая с речью «Об индустриализации и хлебной проблеме» на пленуме ЦК ВКП(б) излагает тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма (22).

«Конечно, нашу политику никак нельзя считать политикой разжигания классовой борьбы... Мы не заинтересованы в том, чтобы классовая борьба принимала формы гражданской войны. Но это вовсе не значит, что тем самым отменена классовая борьба или что она не будет обостряться... По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров...» (23).

Литература:

1. Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 28, с. 424—427.
2. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: YMCA Press. 1955. С.149
3. Там же. С.149-150.
4. Цит. по работе: Иванова О.А. Из истории политических репрессий в Татарской АССР (конец 1917 – начало 1950-х годов XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.А. Иванова. – Казань, 2009.-С.18-19
[//file:///C:/Users/User/Downloads/autoref-iz-istorii-politicheskikh-repressii-v-tatarskoi-assr-konets-1917-nachalo-1950-godov.pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/autoref-iz-istorii-politicheskikh-repressii-v-tatarskoi-assr-konets-1917-nachalo-1950-godov.pdf)
- 5 Гинзбург А.Я. Реабилитация. Политические репрессии 30-50-х годов. Издательство Политическая литература – Москва, 1991., 459 с.
- 6 Елеуханова С. В. Положение репрессированных в Казахстане // Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР/ Сост. Рачинский Я. М: Международный Мемориал, 2016. С. 193-235.
- 7 Шкартан О.И., Коломиец В.П. Крах во спасение (социально-генетические преступления советского режима) // Мир России. Социология. Этнология. 1993. №1. с.7.
- 8 Шкартан О.И., Коломиец В.П. Крах во спасение... 1993. №1. с.7.
- 9 Мартыненко Н. Алаш-Орда: сб. документов / Сост. Н Мартыненко. Алма-Ата: Айкап, 1992. 192 с.; ЦГА РК. Ф.17. Оп.1. Д.21. Л.1-2.
10. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5053-1931. Л. 259.
11. Грищенко И.А. Законодательство об уголовном судопроизводстве по преступлениям против советской власти и его реализация в период наиболее масштабных политических репрессий в СССР (1934-1941 гг.) Автореферат дисс... к.ю.н., Краснодар, 2007. С.8.
12. ЦГА РК, Ф.721. Оп.1. Д.312. Материалы дела «Цепь Корана», 1940 г.
13. См.: СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
14. См.: История советского государства и права. 1917-1947. Москва, 1948. А.А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б. С.Утевский. История советского уголовного права. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. – С.161-162.
15. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 "Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р." [//clck.ru/3ND5Dv](http://clck.ru/3ND5Dv)
16. Там же.
17. См.: История советского государства и права. 1917–1947. Москва, 1948. А.А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б. С.Утевский. История советского уголовного права. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. – С.167.
18. См.: Тихонравов Е. Ю. Принцип nullum crimen sine lege в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета.

Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 548–557. DOI: 10.17072/1995-4190- 2017-38-548-557.

19. См.: Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 31 октября 1924 г <http://museumreforms.ru/node/13946>

20. См.: История советского государства и права. 1917-1947. Москва, 1948; А.А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б. С.Утевский. История советского уголовного права. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. С.321

21. См.: Кабульдинов З. Алжир – лагерь насилия. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://nabr.kz/FileStore/dataFiles/64/85/1626254/content/full.pdf?time=1714965358361&key=4691f5b0a7de1a67b4123808b01d31f3&isPortal=true; С.213-214 – З. Г. Сактаганова. Репрессивная политика советского государства в Казахстане в 1920–1930-е годы - [file:///C:/Users/User/Downloads/articles-2192283.pdf%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/articles-2192283.pdf%20(1).pdf)

22. И.В. Сталин. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 года на пленуме ЦК ВКП (б), 4–12 июля 1928 г., Сочинения, т. 11. М. 1952, с. 170–171.

23. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, М. 1993, с. 5–23.

References:

1. Sobranie sochinenii K. Marksa i F. Engel'sa [The collected works of K. Marx and F. Engels, vol. 28, pp. 424-427] Vol. 28. P. 424—427 (in Russian)

2. Berdyaev N. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian Communism] Paris: Ymca Press. 1955. P.149. (in Russian)

3. Ibid., pp.149-150.

4. Tsitiruetsya po: Ivanova O.A. Iz istorii politicheskikh repressii v Tatarskoi ASSR (konets 1917 – nachalo 1950-kh godov KhKh veka) [From the history of political repression in the Tatar ASSR (late 1917 – early 1950s of the twentieth century] Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Kazan, 2009. P.18-19. <file:///C:/Users/User/Downloads/autoref-iz-istorii-politicheskikh-repressii-v-tatarskoi-assr-konets-1917-nachalo-1950-godov.pdf> (in Russian)

5 Ginzburg A.Ya. Reabilitatsiya. Politicheskie repressii 30-50-kh godov [Ginzburg A.Ya. Rehabilitation. Political repressions of the 30-50s.] Moscow: Political Literature Publishing House, 1991. 459 p. (In Russian)

6 Eleukhanova S. V. Polozhenie repressirovannykh v Kazakhstane // Reabilitatsiya i pamyat'. Otnoshenie k zhertvam sovetskikh politicheskikh repressii v stranakh byvshego SSSR/ [The situation of the repressed in Kazakhstan // Rehabilitation and memory. The attitude towards the victims of Soviet political repression in the countries of the former USSR/] Comp. Rachinsky Ya. M.: International Memorial, 2016. P. 193-235. (in Russian)

7 Shkartan O.I., Kolomiets V.P. Krakh vo spasenie (sotsial'no-geneticheskie prestupleniya sovetskogo rezhima) [Collapse for salvation (socio-genetic crimes of the

Soviet regime)]// *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. 1993. No. 1. p. 7. (in Russian)

8 Shkartan O.I., Kolomiets V.P. *Krakh vo spasenie* [Crash for salvation... 1993. No. 1. p. 7] (in Russian)

9 Martynenko N. *Alash-Orda: sb. Dokumentov* [Alash-Orda: collection of Documents]. Alma-Ata: Aikap, 1992. p. 192.; Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. F.17. Inv.1. C.21. Sh. N.1-2.

10. *Arkhiv Prezidenta RK* [Archive of the President of the Republic Kazakhstan. F. 141. Inv 1. C. 5053-1931. Sh. 259.].

11. Grishchenko I.A. *Zakonodatel'stvo ob ugovnom sudoproizvodstve po prestupleniyam protiv sovetskoi vlasti i ego realizatsiya v period naibolee masshtabnykh politicheskikh repressii v SSSR (1934-1941 gg.)* [Grishchenko I.A. Legislation on criminal proceedings for crimes against the Soviet government and its implementation during the period of the most extensive political repression in the USSR (1934-1941)] Abstract of the dissertation... Candidate of Law, Krasnodar, 2007. p. 8 (in Russian)

12. Central Archive of the Republic of Kazakhstan, F.721. Op.1. D.312. Materials of the case "Chain of the Koran", 1940.

13. See: SU RSFSR. 1917. No. 4. Art. 50. (in Russian)

14. See.: *Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava. 1917-1947* [See: History of the Soviet State and Law. 1917-1947]. Moscow, 1948. A.A. Herzenzon, S. S. Gringauz, N.D. Durmanov, M.M. Isaev, B. S.Utevsky [The History of Soviet criminal law]. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR. P.161-162. (in Russian)

15. *Postanovlenie Narkomyusta RSFSR ot 12.12.1919 "Rukovodyashchie nachala po ugovnomu pravu R.S.F.S.R"* [Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated 12.12.1919 "Guidelines on criminal law of the R.S.F.S.R.] [//clck.ru/3ND5Dv](http://clck.ru/3ND5Dv)

16. In the same place.

17. See.: *Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava. 1917-1947* [See: History of the Soviet State and Law. 1917-1947]. Moscow, 1948. A.A. Herzenzon, S. S. Gringauz, N.D. Durmanov, M.M. Isaev, B. S.Utevsky [The History of Soviet criminal law]. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR. P.167. (in Russian)

18. See.: Tikhonravov E. Yu. *Printsip nullum crimen sine lege v istorii otechestvennogo ugovnogo prava* [] Tikhonravov E. Y. The principle of nullum crimen sine lege in the history of Russian criminal law // *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2017. Issue 38. pp. 548-557. DOI: 10.17072/1995-4190- 2017-38-548-557. (in Russian)

19. See.: *Osnovnye nachala ugovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik» ot 31 oktyabrya 1924 g.* [The main principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics" dated October 31, 1924]: <http://museumreforms.ru/node/13946> (in Russian)

20. See.: Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava. 1917-1947 [See: History of the Soviet State and Law. 1917-1947]. Moscow, 1948. A.A. Herzenzon, S. S. Gringauz, N.D. Durmanov, M.M. Isaev, B. S.Utevsky [The History of Soviet criminal law]. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR. P.321 (in Russian)

21. Sm.: Kabul'dinov Z. Alzhir – lager' nasiliya [ALGIR is a camp of violence] chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/<https://nabr.kz/FileStore/dataFiles/64/85/1626254/content/full.pdf?time=1714965358361&key=4691f5b0a7de1a67b4123808b01d31f3&isPortal=true>; P.213-214; Saktaganova Z.G. Repressivnaya politika sovetskogo gosudarstva v Kazakhstane v 1920–1930-e gody [The repressive policy of the Soviet state in Kazakhstan in the 1920s and 1930s] [file:///C:/Users/User/Downloads/articles-2192283.pdf%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/articles-2192283.pdf%20(1).pdf) (In Russian)

22. Stalin I.V. Ob industrializatsii i khleboi probleme. Rech' 9 iyulya 1928 goda na plenum TsK VKP (b), 4–12 iyulya 1928 g. [About industrialization and the grain problem. Speech on July 9, 1928 at the plenum of the Central Committee of the CPSU (b), July 4-12, 1928]. Stalin I.V. Essays. Vol. 11, M. 1952. P. 170-171] (In Russian)

23. Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii [Collection of legislative and regulatory acts on repression and rehabilitation of victims of political repression]. M. 1993. P. 5-23(in Russian)